

Содержание

<i>Введение</i>	9
Глава 1. Нервная система	27
Глава 2. Борьба с наличными	41
Глава 3. Великан с горной вершины	64
Глава 4. Электронные фишки	81
Глава 5. Общество банковских фишек	101
Глава 6. Большой брат, Большой вышибала и Большой зазывала ...	120
Глава 7. Неестественный прогресс “быстроменяющегося мира” ...	142
Глава 8. Смена кожи	156
Глава 9. Странная история Шерлока Холмса и электронного призрака	176
Глава 10. Битва левиафанов	198
Глава 11. Паранормальное руководство к биткоиновому призраку ...	212
Глава 12. Политический спектр кибер-Коулуна	237
Глава 13. Ограбление грабителей	256
<i>Заключение</i>	279
<i>Благодарности</i>	299
<i>Примечания</i>	301
<i>Указатель</i>	317

*Маме, папе, Крейгу и Анту
с большой любовью*

Введение

Э то книга о слиянии и приобретении: о слиянии Фингигантов и Техгигантов и о приобретении власти — едва слияние завершится, Фингиганты и Техгиганты приобретут над нами невиданную в истории человечества власть.

Моя точка зрения противоречит общепринятой. СМИ ежедневно поднимают шумиху вокруг очередного стартапа и неслыханных удобств его новейшего финансового приложения. Всякое сообщение (допустим, *Amazon*) о партнерстве с новой платежной платформой или *Citigroup* — о сотрудничестве с *Google Pay* — подается как долгожданный технический прорыв. Бесчисленные футурологи, стремясь перекричать друг друга, постоянно славят новомодные штучки в сфере цифровых финансов, как барды, наперебой воспевающие короля.

Я хочу показать, почему не стоит верить всем этим историям о неизбежной цифровизации денег и финансовой системы. Нужно отключиться от расхожих разговоров в финансовой и технической сферах и игнорировать речи президентов корпораций и их приспешников. Предприниматели, как серферы, любят хвастаться своими полетами на гребнях морских волн (давая при этом советы, как сохранить равновесие) и не желают задумываться о борьбе со скрытыми источниками мощных течений вроде морских ветров и коралловых рифов. Течения возникают и в результате далеких землетрясе-

ний, вызванных движениями невидимых тектонических плит. Пропустим мимо ушей истории об успешном серфинге и перейдем непосредственно к тектоническим сдвигам в глобальной экономике.

На наших глазах происходит процесс автоматизации мировой финансовой системы, который прежде всего требует замены физических денег, хранящихся в наших кошельках, на электронные, контролируемые банковским сектором. Эту замену принято маскировать термином “переход к безналичному обществу”. Представители финансовой отрасли и некоторые правительства уже по меньшей мере пару десятилетий активно пытаются демонизировать физические деньги. Пандемия COVID-19 подлила масла в огонь: финансовые и технологические корпорации усилили гонения на наличные, добавив к своим аргументам опасения гигиенического характера. Наличные защищают частную жизнь и устойчивы как к стихийным бедствиям, так и к банковским кризисам, но их все чаще выставляют в качестве анахронизма, тормозящего прогресс, преграды, которая неизбежно будет устранена, после чего откроется путь в новый мир электронных денег, которые я называю “облачными”.

Цифровизация платежей создает почву для цифровизации финансовой отрасли в целом — задачи, которая в настоящее время отдана на откуп финтеху (финансово-технологическим компаниям). А цифровизация финансовой отрасли, в свою очередь, делает возможной полную автоматизацию корпоративного капитализма. Мы уже можем видеть это воочию в работе таких корпораций, как *Amazon*, *Uber* и *Google* (а также китайских *Tencent* и *Alibaba*). Почти любая крупная технологическая фирма вступает в партнерские отношения с финансовыми организациями. Такой компании не стать глобальной цифровой империей без объединения с глобальными цифровыми платежными системами.

В ходе этого процесса возникают огромные олигополии (конгломераты мегафирм), но они невидимы благодаря по-

явлению полчищ приложений, дающих иллюзию разнообразия. Под прикрытием экранов наших смартфонов растет инфраструктура автоматического финансового контроля. Миллиарды людей включены в связанные между собой системы, в которых реализован неслыханный уровень надзора и сбора данных, что открывает пугающие новые возможности для ограничений, манипуляций и обмана. Борьба за подчинение людей этим системам превращается в геополитическую схватку между крупнейшими державами при поддержке их корпоративных союзников.

На первый взгляд кажется, что отдельные корпорации и правительства борются за доминирование, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что они расталкивают друг друга, стремясь занять место в растущей суперсистеме планетарного масштаба. Эту систему трудно охватить взглядом полностью — отчасти потому, что она необозримо велика. Но наше ежедневное взаимодействие с армадой телефонов, компьютеров и сенсоров (каждый из которых отправляет информацию в удаленный центр обработки данных — ЦОД) накладывает на нас определенный отпечаток, порождает уютное ощущение, что мы живем в мире, который становится все более взаимосвязанным.

Некоторые — и я в том числе — ощущают клаустрофобию, замечая эту все туже оплетающую нас паутину. От рекламных объявлений об удобстве продуктов, которые позже попытаются изучать мое поведение и давать мне рекомендации, бросает в дрожь. Я смотрю на свой телефон и думаю: а вдруг это не помощник, а агент какой-то злой силы, отслеживающий те аспекты моей жизни, которые раньше ускользали от формального контроля.

Однако я не собираюсь доказывать, что цифровой мир плох или что взамен него нужен какой-то хороший не цифровой. Публичные споры обычно проходят в режиме отстаивания одного мнения в противовес другому, но мне мир видится состоящим из противоречий. Я понимаю, что все мы

опутаны сложными сетями — экономическими, культурными и политическими, — которые могут одновременно и давать свободу, и ограничивать ее. В этой книге я хочу изменить баланс в искаженном представлении о цифровых финансах — сейчас все говорят лишь о свободе, которую они дают. Давайте посмотрим на них как на контраст темного *инья* с более ярким *янем*.

Противоречивость денег и технологий

В юности папа учил нас с братом читать топографические карты и отправлял в путешествие по Драконовым горам (ЮАР) с одним компасом. Нам казалось, что это делает нас по-настоящему крутыми, но за 500 лет до того в тех же самых горах представители коренного народа сан ориентировались вообще без всяких технических средств, опираясь лишь на звезды, личный опыт и интуицию.

Тут кроется противоречие. На первый взгляд прибор — это средство, с помощью которого мы подчиняем себе мир (как тот драгоценный компас, который мы с братом сжимали в руках, двигаясь вперед). Мы, конечно, успевали добраться до пещеры в горах, прежде чем становилось темно, и были очень горды собой. Но при этом упускается из виду, что используя прибор, мы приобретаем зависимость от него. Держа компас в руках, мы забываем о своем внутреннем “компасе”, возможно, теряя часть его или вовсе не давая ему развиваться.

У технологий есть две стороны. Мы считаем, что они увеличивают наши возможности, но они же повышают нашу зависимость. Устройства, призванные помогать, начинают руководить нашими действиями и мыслями; новшества, которые исходно открывали дополнительные возможности, превращаются в насущный атрибут. Житель крупного города может, конечно, выбрать модель смартфона, но выбор, покупать смартфон или нет, перед ним практически не стоит. Смарт-

фон необходим, иначе окажешься изолированным от социально-экономического окружения, от которого зависишь.

Это противоречие еще больше усиливается, если мы даже *не держим в руках* те мощные технологии, от которых зависим. Например, в моем телефоне не стоит *Google Maps*. Эта программа находится в удаленном цифровом ЦОДе — части того, что в обиходе называют “облаком”, и к этому облаку я обращаюсь со своего смартфона. Таким образом, мое чувство направления передоверяется некоему удаленному гиганту.

Наша зависимость от *Google Maps* возникла недавно — всего несколько десятилетий назад. Но сегодня у любого лондонца замирает сердце, если заряд батареи снижается до одного процента и возникает опасность потери связи с этим удаленным цифровым оракулом. Наша жизнь настолько прочно привязана к технологиям, что они как будто врастают в нас. Потеряв доступ к своему телефону всего на день, я чувствую себя, как заядлый курильщик во время дальнего авиарелета, — на уме только одно: когда же наконец можно будет отстегнуть ремни, выскочить наружу, закурить и снова почувствовать себя человеком.

Такого же рода противоречие связано и с *деньгами*, но оно лежит еще глубже. В наше время деньги воспринимаются как жизненная необходимость и обеспечивают — при должном уровне благосостояния — богатство возможностей. Мы настолько давно забыли, как выглядел мир до возникновения денежного обмена, что даже не можем себе этого представить. Пять тысяч лет назад денежные системы были небольшими и изолированными, но со временем они завладели нашей цивилизацией. Для доступа почти к любому предмету — от компьютера до ботинок и от импортных макарон до этой книги — мы обращаемся к глобальной системе денежного обмена. Наши отношения с деньгами еще глубже, чем отношения с технологиями: если мы чувствуем, что наш баланс приближается к нулю и мы теряем доступ к рынку, нас охватывает паника. Потеря этого доступа еще хуже, чем лишения куриль-

щика во время перелета: чувствуешь себя, как рыба, задыхающаяся на берегу и ползущая к воде. А все потому, что деньги обеспечивают доступ ко всему остальному, от чего мы зависим; они — основной объект зависимости.

Однако все становится еще сложнее, если мы теряем возможность непосредственно держать деньги в руках. Электронные деньги на наших счетах находятся в управляемых банковским сектором удаленных ЦОДах, с которыми мы общаемся с помощью телефонов, компьютеров или платежных карточек. “Безналичное общество” — это мир, где мы делегируем право проводить транзакции этим финансовым организациям, вступающим в настоящее время в союзы с такими корпорациями, как *Google*, которые обеспечивают нам возможность находить дорогу. Именно такие союзы преподносятся как фантастически удобные, но это удобство неразрывно связано с крайне высоким уровнем зависимости от концентрированной власти корпораций. Это — ключевое противоречие нашего времени; именно о нем я и буду рассказывать в своей книге.

Мой путь

Последние 14 лет я провел на переднем крае глобального финансового сектора. Все началось с работы в сомнительном финансовом стартапе в Лондоне, где в разгар финансового кризиса 2008 года я пытался заключать мутные сделки, известные под названием “экзотических деривативов”. В течение двух лет я целыми днями названивал финансовым директорам корпораций, менеджерам крупнейших фондов и трейдерам из инвестиционных банков. Под давлением рушившихся глобальных рынков наша компания в конце концов потерпела крах, просуществовав, однако, достаточно долго, чтобы я успел пройти вводный курс в черную магию высших финансовых сфер.

Финансовый сектор — это древняя сила, возникшая по меньшей мере на тысячу лет раньше интернета. Он руководит глобальной денежной системой, на базе которой ежедневно возникают сотни миллионов экономических отношений и финансовых контрактов. Это мир центробанков, коммерческих банков, Уолл-стрита, лондонского Сити и всемирной сети оншорных и офшорных финансовых центров. В переполненных барах лондонских финансовых районов бурлят толпы белых воротничков из этого сектора: громогласных трейдеров, изворотливых инвестиционных банкиров, изысканных экономических советников, мрачных менеджеров хедж-фондов. За закрытыми дверями шикарного Мейфэра русские олигархи берут кредиты для горнодобывающих предприятий, а нефтяные шейхи Ближнего Востока получают инвестиционные советы для суверенных фондов.

В 2013-м я опубликовал книгу об этом мире под названием “Еретическое руководство по глобальным финансам: взлом будущего денег” (*The Heretic’s Guide to Global Finance: Hacking the Future of Money*). Я применил к миру Фингигантов подходы, о которых узнал при изучении антропологии. Кроме того, книга опиралась на философию хакеров, стремящихся проникнуть в сложные системы, чтобы пошатнуть мощь финансового сектора. Ее публикация открыла мне возможности поехать по свету, сотрудничая с разнообразными сообществами, якобы нашедшими ключи к финансовой революции или реформе.

Эти сообщества — от ультралевых анархистов и экологических активистов до медиумов, рыночных либертарианцев, воинствующих консерваторов и правительственных технократов — отличает изобилие взаимоисключающих точек зрения. Я разрабатывал локальные валюты с хиппи, ассистировал борцам с изменениями климата в лоббировании пенсионных фондов, помогал бухгалтерам по-новому взглянуть на будущее аудита и спорил с разработчиками монетарной политики. Я был приглашенным “специалистом по финансам как искус-

ству” в Венской художественной галерее и сотрудником лаборатории *Media Lab* в МТИ. В моей среде обитания водятся сотрудники Центробанка Малайзии и американского офиса Международного валютного фонда, немецкие антинадзорные активисты и сербские диссиденты. Я даже как-то сидел за одним столом с ультраправыми, некоторые из которых заигрывали с фашизмом. Мне повезло познакомиться с самыми разными взглядами на проблемы нашей экономической системы, разными подходами к ее изменению и разными конечными целями людей, призывающих к этим изменениям.

К 2015-му я начал смещать фокус своего внимания на властелинов цифровой автоматизации — технологические компании Кремниевой долины. Их офисы отличаются от классических офисов финансовых корпораций: здесь царство открытой планировки с мягкими пуфами, лекционными досками, обклеенными стикерами, и красочными программными кодами на черных экранах. Мир насыщенных инновационной терминологией презентаций стартапов, в ходе которых президенты компаний под аплодисменты энтузиастов представляют свои новейшие приложения, расхаживая по сцене с головными микрофонами. Крупнейшие компании — *Google (Alphabet)*, *Facebook*¹, *Apple*, *Amazon* и *Microsoft* (а в Китае *Alibaba*, *Tencent* и *Baidu*) вплетаются в соединительную цифровую ткань, с помощью которой все мы взаимодействуем с рынком. Это позволяет им собирать огромные объемы данных для обучения систем искусственного интеллекта (ИИ).

Представители высших эшелонов как финансового, так и технологического сектора уверены, что ведут за собой мир, но это люди из разных культур. Если символ финансового мира с его безжалостным стремлением к защите собственных интересов — это корпоративный рейдер Гордон Гекко, герой

1 Деятельность Корпорации *Meta Inc (Facebook, Instagram)* решением российского суда признана экстремистской и запрещена на территории России. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, — примечания переводчика.*

фильма “Уолл-стрит” (1987), то символом технологического сектора долгое время был идеалистичный и чудаковатый программист. Этот настрой отражает знаменитый рекламный ролик компании *Apple*, транслировавшийся во время “Супербоула” 1984 года: спортсменка в яркой одежде разбивает молотом гнетуще-серое статус-кво, обещая свободу от традиционной структуры власти.

Но так было в 1980-е. Ныне эти культуры сливаются, что заметно по миграции сотрудников между Фингигантами и Техгигантами. Например, мой друг раньше работал специалистом по количественному анализу в *J. P. Morgan*, вычисляя стоимость финансовых контрактов. А теперь он работает в *DeepMind*, подразделении по ИИ компании *Google*, исследуя вопрос разработки ИИ, который можно будет применить к любой ситуации.

Слияние финансов и технологий проявляется и в форме образования их гибрида — сектора финтеха. Эта отрасль — яркий пример неоднозначных, но тесных взаимосвязей между двумя мирами. Финансовый кризис 2008 года сильно подпортил репутацию банков, поэтому возникла техноутопическая идея о том, что цифровые стартапы разрушат империю финансов и приведут к финансовой демократизации. Цифровые технологии выдавались за рыцаря в белых доспехах, который наведет порядок в старом злодейском мире финансов. Слово “финтех” стало крайне модным, привлекая как сотрудников традиционных банков с их идеями цифровизации услуг, так и предпринимателей из мира технологий, у которых руки чесались попробовать себя на ниве финансов.

С самого начала финтех смотрелся скучнее остального технологического сектора из-за его связей с набившими оскомину Фингигантами, но все же ярче традиционных финансов — из-за связей с крутой Кремниевой долиной. До настоящего времени он эксплуатирует представление о том, что технологии реформируют финансовый сектор и волокут банки в новый цифровой мир, несмотря на их сопротив-

ление и вопли. По словам технарей, будущее нужно притащить в настоящее, а все старое должно исчезнуть в прошлом. Финансовую отрасль следует осовременить, а все пережитки прошлого, включая отделения банков, физические наличные и нецифровые процессы, — уничтожить. Этот подход выдается за коренной слом финансовой системы, но если приглядеться повнимательнее, то мы увидим не попытку реорганизовать Фингигантов, а попытку их *автоматизировать*. Это различие, впрочем, редко отмечается. Почему?

“Неизбежный прогресс” автоматизации

Нам свойственно стремление угадать, каким *может быть* будущее, но если прогноз неясен, то порой мы начинаем догадываться, каким оно *должно быть*. Это сфера политики: мы страстно агитируем за то будущее, к которому стремимся, вместо того чтобы соглашаться с тем, которое кажется вероятным. Но если местные политические требования сводятся, скажем, к финансированию школ или созданию зеленой инфраструктуры, то транснациональные требования гораздо сложнее. Когда речь заходит о повсеместной цифровизации и автоматизации глобальной экономики, люди странным образом замолкают. Им кажется, что все это произойдет независимо от их желания.

Почему? Дело в том, что всемирная экономическая система заставляет нас чувствовать себя пигмеями и большинство полагает, что нам остается лишь реагировать на нее, а не пытаться ее формировать. Никто не думает, что стоит у руля глобальной экономики, но все чувствуют, что она движется, как бесконечный кортеж на автопилоте. Ее курс определен: корпорации растут, оружие становится более мощным, ресурсы истощаются, а цифровая взаимосвязанность становится крепче. Все согласуется с мрачными сценариями киберпанковской фантастики 1970-х. Ее персонажи живут в высо-

котехнологичных мирах, где леса уничтожены расползающимися мегаполисами, а правительства слились с гигантскими корпорациями. Последние предлагают одурманенному человечеству возможность уйти из удручающего однообразия жизни в фантазии виртуальной реальности, а кучки мятежников пытаются этому противостоять.

Если иногда кажется, что технологические компании вдохновляются мрачными видениями фантастов, то это потому, что их сюжеты уже воплощаются в реальных новшествах, внедряемых Техгигантами: от вездесущих технологий распознавания лиц из “Особого мнения”¹ и биотехнологий из “Бегущего по лезвию”² до “горгулий” из “Лавины”³, которые с помощью специальных устройств подгружают аудиовизуальные данные в интернет-подобную виртуальную реальность, называемую “Метавселенной”. Однако для того чтобы воплощать эти сюжеты в жизнь, необязательно вдохновляться научной фантастикой: киберпанки просто экстраполировали тенденции, которые уже были характерны для масштабных капиталистических систем. Именно поэтому все это возникает в нашей жизни, как будто по инерции.

Пандемия COVID-19 временно дестабилизировала это ощущение инерции, дав многим из нас мощный ментальный толчок. На короткое время наши системы, казалось, сделали паузу, вызвав у одних тревогу, у других — эйфорию, а потом снова пошли как по накатанному, будто после перезапуска остановившегося конвейера (причем на большей скорости). Поклонники технологий изо всех сил стараются придать этому ощущению инерции позитивный смысл. Они утверждают, что увеличение масштаба и скорости экономических процессов — это движимый творческим духом человечества “прогресс”, в котором все мы принимаем участие.

1 Научно-фантастический фильм Стивена Спилберга по мотивам одноименного рассказа Филипа Дика.

2 Фильм Ридли Скотта по мотивам научно-фантастического романа Филипа Дика “Мечтают ли андроиды об электроовцах?”.

3 Научно-фантастический роман Нила Стивенсона.